УДК 930

К каталогу позднесредневековых бахчисарайских надписей

Чореф М.М.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижневартовский государственный университет», Нижневартовск (Россия)

Одной из ключевых задач современной эпиграфики является изучение позднесредневековых текстов из Северного Причерноморья. Дело в том, что комплекс этих надписей содержит исчерпывающие сведения об образе жизни населения в период существования Крымского ханства. Учитывая важность задачи, попытаемся привлечь внимание к ней научной общественности путем публикации одного из таких текстов – закладной надписи Кантемира и Татара.

Цель исследования – освещение слабо изученных аспектов истории Крымского ханства, в частности, проявлений османского культурного влияния, одним из признаков которого стало возвышение незнатной городской элиты (выразителем ее интересов являлось мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии).

***Материал и методы.** Статья написана в результате изучения лапидарной надписи Кантемира и Татара, ныне украшающей вход в одну из городских мечетей Бахчисарая. Для ее атрибуции были задействованы османский письменный источник – мемуары Э. Челеби, лексикон арабского языка Э.В. Лейна, а также работы по восточной архитектуре и записки путешественников XVIII–XIX вв. Источниковый базис позволил сделать принципиально новые оценки и выводы.*

При этом использовались идеографический, аксиологический, историко-сравнительный методы в органической связи с принципами объективности и историзма.

***Результаты и их обсуждение.** Через прочтение и истолкование закладной надписи с именем Кантемира и Татара было установлено, что в эпоху расцвета Крымского ханства значительную роль в общественной жизни играли общины суфиев, к которым принадлежали и донаторы. Полагаем, что это могло быть вызвано османским влиянием.*

Примечательно и то, что Кантемир и Татар были хотя и состоятельными, но незнатными горожанами. Не случайно они смело объявляли в тексте о своих профессиях. Полагаем, что это обстоятельство свидетельствует о значительности влияния исламизированного городского населения, выразителем интересов которого стало мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии.

***Заключение.** Надпись Кантемира и Татара является ценнейшим источником, освещающим социальную историю Крымского ханства периода его расцвета.*

***Ключевые слова:** Крымское ханство, Османская империя, эпиграфика, суфизм, социальная история.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 100–105)

To the Catalog of Late Medieval Bakhchysarai Inscriptions

Choref M.M.
Federal State Funded Educational Establishment of Higher Professional Education «Nizhnevartovsk State University», Nizhnevartovsk (Russia)

One of key problems of contemporary epigraphics is studying of late medieval texts from Northern Black Sea Coast. The matter is that the complex of these inscriptions contains exhaustive data on the way of life of the population during the existence of Crimean Khanate. Considering importance of this task, we will try to draw attention to it of scientific community by the publication of one of such texts – Kantemir and Tatar's mortgage inscription.

The aim of the article is highlighting poorly studied aspects of Crimea Khanate history, in particular, manifestation of Ottoman cultural influence, one of the signs of which was elevation of non noble urban elite, whose interests were expressed by Muslim clergy, including mystic sufis.

***Material and methods.** The article is written as a result of studying of the lapidary inscription of Kantemir and Tatar which is nowadays decorating the entrance to one of the city of Bakhchysarai mosques. For its attribution an Ottoman written source – E. Chelebi's memoirs, the lexicon of the Arabic language by E.W. Lane, and also work on east architecture and notes of the travelers of the XVIII–XIX centuries were used. The source basis makes it possible to draw essentially new estimates and conclusions.*

Ideographic, axiological, historical and comparative methods in organic link with principles of objectivity and historical approach are used in the paper.

***Findings and their discussion.** As a result of reading and interpretation of the mortgage inscription with Kantemir and Tatar's name it was established that in the era of blossoming of the Crimean Khanate the significant role in public life was*

Адрес для корреспонденции: e-mail: choref@yandex.ru – **М.М. Чореф**

played by communities of sufis to which also donators belonged. We believe that it could be caused by Ottoman influence.

It is also remarkable that Kantemir and Tatar were wealthy, but not noble citizens. It is not incidentally that they directly declared in the text their professions. We believe that this circumstance testifies to relevancy of influence of the islamized urban population the spokesman of interests of which was Muslim clergy, including mystics-sufis.

Conclusion. *Kantemir and Tatar's inscription is the most valuable source which lightens social history of the Crimean Khanate of the period of its blossoming.*

Key words: *Crimean Khanate, Ottoman Empire, epigraphic, Sufism, social history.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 100–105)

Одной из ключевых задач современной эпиграфики является изучение позднесредневековых текстов из Северного Причерноморья. Дело в том, что комплекс этих надписей содержит исчерпывающие сведения об образе жизни населения в период существования Крымского ханства. Учитывая важность задачи, попытаемся привлечь внимание к ней научной общественности путем публикации одного из таких текстов – закладной надписи Кантемира и Татара.

Постановка проблемы вытекает из предмета статьи. В нашей работе излагаются и обосновываются соображения по поводу атрибуции закладной надписи горожан Кантемира и Татара, являвшимися членами суфийского ордена.

Цель исследования – освещение слабо изученных аспектов истории Крымского ханства, в частности, проявлений османского культурного влияния, одним из признаков которого стало возвышение незнатной городской элиты (выразителем ее интересов являлось мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии).

Материал и методы. Статья написана в результате изучения лапидарной надписи Кантемира и Татара, ныне украшающей вход в одну из городских мечетей Бахчисарая. Для ее атрибуции были задействованы османский письменный источник – мемуары Э. Челеби, лексикон арабского языка Э.В. Лейна, а также работы по восточной архитектуре и записки путешественников XVIII–XIX вв. Источниковый базис позволил сделать принципиально новые оценки и выводы.

При этом использовались идеографический, аксиологический, историко-сравнительный методы в органической связи с принципами объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Через прочтение и истолкование закладной надписи с именем Кантемира и Татара было установлено, что в эпоху расцвета Крымского ханства значительную роль в общественной жизни играли общины суфиев, к которым принадлежали и сами донаторы. Полагаем, что это могло быть вызвано османским влиянием.

Примечательно и то, что Кантемир и Татар были хотя и состоятельными, но незнатными горожанами. Не случайно они смело объявляли в тексте о своих профессиях. Полагаем, что это обстоятельство свидетельствует о значительности влияния исламизированного городского населения, выразителем интересов которого стало мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии.

Из множества квартальных мечетей[5] Старого Бахчисарая к настоящему времени уцелели лишь единицы. Однако на ул. Севастопольской сохранились две джамии. К сожалению, их история практически не известна. Мы знаем только то, что одна из них – Молла-Мустафа (рис. 1), ныне датируется XVIII в., а вторая – Исми-хан (рис. 2–3), расположенная чуть ближе к Бахчисарайскому дворцу-музею, по рассказам местных жителей ранее была караимской кенассой[6]. Обследование этих памятников никогда не проводилось. В последние годы джамии ул. Севастопольской были реставрированы. Молла-Мустафа перестроили с использованием современных материалов, а Исми-хан покрыли новой крышей, но не укрепили ее ветхие стены, в результате чего процесс ее разрушения только ускорился (рис. 2).

Однако, несмотря на неумелую реставрацию, сохранились отдельные аутентичные элементы, которые, как нам кажется, могли бы быть интересны как историкам, интересующимся культовой архитектурой, так и эпиграфистам. Стоит обратить внимание на ложный южный вход в Исми-хан (рис. 2, *1*, 3, *1*). Заметим, что отнюдь не в каждом здании Старого Бахчисарая можно увидеть богато украшенный, но изначально заложенный портал.

[5] По данным П.С. Палласа, в конце XVIII века в Бахчисарае была 31 мечеть [1, с. 29, л. 16 об.]. К середине XIX в. город вырос и их количество увеличилось. Так, по А.В. Терещенко, в нем уже было около 40 мечетей [2].

[6] Первая мечеть была поставлена на учет решениями исполкома Крымского облсовета № 284 от 02.05.1979 г., а вторая – исполкома Крымского облсовета № 164 от 15.04.1986 г., причем, как кенасса. Соответствующие учетные документы готовились Управлением архитектуры и градостроительства и к настоящему времени не сохранились (информация предоставлена крымским историком В.Г. Зарубиным).

Однако известно, что подобные ложные входы устраивали в российских синагогах XIX–XX вв., которые по разным причинам нельзя было зарегистрировать в качестве культовых зданий (рис. 3, *2–4*). Официально эти молельни считались частными домами. Действительно, непосвященному было довольно трудно определить их назначение. Ведь у них был богато украшенный парадный ложный вход с южной стороны, т.е. там, где войти в синагогу было бы невозможно, т.к. только в этой части здания располагался הקוֹדֶשׁ אָרוֹן – «*Святой ковчег*», в котором хранились свитки Торы (рис. 3, *2, 4*). Подтверждает наше предположение и план здания – квадратного в сечении, с большой двухъярусной комнатой, стены которой на уровне второго этажа были обрамлены широкими и некогда прочными балконами из досок, опирающимися на бревна и огороженные перилами. На них во время молитвы находились женщины, наблюдающие за службой, проводимой мужчинами этажом ниже. О том, что в здании была синагога, говорит и наличие в круглых окнах второго этажа следов витражей с шестиконечными звездами (рис. 2, *2*).

Как видим, информация местных жителей вполне достоверна. Позволим себе только несколько замечаний, как нам кажется, позволяющих уточнить важные моменты атрибуции этого здания. Дело в том, что жители Бахчисарая в XIX в. вряд ли знали греческое слово συναγωγή – «*синагога, дом собрания*». Зато им были знакомы созвучные ивритские термины בֵּית כְּנֶסֶת или כנסיה, имеющие то же значение и достаточно хорошо распространенные в местной иудейской и караимской среде. Но только ортодоксальные евреи в Российской империи подвергались систематическим религиозным преследованиям и были вынуждены скрывать от властей свои молитвенные дома. Следовательно, Исми-хан первоначально была синагогой раввинистов[7], построенной в первой половине XIX в.[8] и по каким-то не известным нам причинам переданной мусульманам. А так как в 1944 г. национальный состав населения Бахчисарая кардинально изменился, то в памяти народной сохранились только смутные сведения о первоначальном назначении этого строения. Местные жители знали только то, что в этом доме некогда находилась кенасса, а именно так большинство крымчан называет молитвенные дома караимов.

Однако обратимся к эпиграфическим памятникам. Их в мечетях довольно много. Дело в том, что пол Исми-хан в свое время был выложен обломками мусульманских надгробных плит. Причем, судя по следам подтески, их клали текстом вниз[9]. Хотя это и сберегло отдельные фрагменты эпитафий, но ломка камня для придания нужной формы сделала их практически нечитаемыми[10]. Зато почти цела мраморная закладная плита[11], размещенная над входом в Молла-Мустафа. У нее отбит только верхний левый угол, в котором, к счастью, не было текста. Начнем с этой плиты изучение неизданных эпиграфических памятников г. Бахчисарая.

Сразу же заметим, что у нас нет оснований считать, что эта плита изначально украшала вход в Молла-Мустафа. Ведь здание не раз перестраивалось. К примеру, его минарет мог быть сооружен в конце XVIII в. Тем же временем следует датировать и типично барочные пятигранные окна ее второго этажа [3, p. 360, 364]. В то же время закладная плита была высечена в 1600 г. Попытаемся прояснить это обстоятельство, проанализировав сам текст.

Заинтересовавшая нас плита представляет собой блок серого мрамора размером 39 на 25 см (рис. 4). Ее поверхность хорошо подтесана и отшлифована. На лицевой части плиты хорошо виден четырехугольный картуш со скругленными верхними углами, в который

[7] По свидетельству А.В. Терещенко, представители этой религиозной общности проживали в Бахчисарае уже в первой половине XIX в. [2, с. 84–85]. У них был и молитвенный дом [2, с. 85]. Предполагаем, что он находился в здании современной Исми-хан.

[8] Несмотря на то, что выяснение этого обстоятельства не является нашей основной задачей, мы не можем обойти его стороной. Наша датировка здания основывается не только на факте выкладки ее полов мусульманскими надгробиями XVIII–XIX вв., опись которых мы готовим, но и, собственно, архитектурных особенностей самого здания. Начнем с того, что у Исми-хан нет минарета. Очевидно и то, что его не было изначально. Кроме того, стены здания сложены из хорошего тесаного камня на известковом растворе, что опять-таки не характерно для крымско-татарской кладки XVI–XVIII вв. Сам же ложный портал выполнен в классическом стиле. Обратим внимание хотя бы на изящные полуколонны и изысканные, но простые до безупречности обрамления высоких окон первого этажа. Поэтику здания только подчеркивают безукоризненные пояса. Столь же совершенны и круглые окна второго этажа. Вообще, складывается впечатление, что строили Исми-хан с учетом европейских строительных норм первой половины XIX в.

[9] Сам факт использования мусульманских надгробий для выкладки пола, как нам кажется, убедительно опровергает гипотезу об изначальном устройстве мечети в здании современной Исми-хан.

[10] В настоящее время большая часть этих плит хранится в КРУ БИКЗ.

[11] Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность И.В. Волкову, оказавшему неоценимую помощь в переводе этой надписи.

вписана пятистрочная низкорельефная надпись с четырьмя линиями-разделителями:

و الحسنات و الخيرات صاحب و تعمير ططار ترزى قنتمير يچون فاتحه الطيف روحلر عبد ١٠٠٩ سنة	«*Владыка и сокровищ, и совершенств, портной Кантемир, а строил Татар, раб Ордена*[12]. *Душам их – Фатиху. 1009 года».*

Текст выполнен шрифтом сулюс. Буквы переданы толстой ровной линией. Прослеживается особенность почерка мастера. Заметно, что он не выбирал фон из кружков букв ف, ق, م, ة и و. В надписи отсутствуют огласовки и прочие дополнительные знаки, что, впрочем, характерно для средневековой крымской мусульманской эпиграфики.

Надпись представляет собой сочетание арабских и тюркских слов. К последним можно отнести имена донаторов и слова تعمير – «*строил*» и يچون – «*душам*». Все почетные прозвища, эпитеты и благопожелания приведены на языке Корана. Из текста первой строки надписи следует, что один из донаторов именовал себя و الحسنات و الخيرات صاحب – «*владыка и сокровищ, и совершенств*». Эти определения не только подчеркивают благочестие и богатство жертвователя, но и свидетельствуют о его высоком положении в обществе. Очевидно, что именно он выделил средства на богоугодное дело, т.е. создал вакф. Однако донатор не принадлежал к родовой или служилой знати. Из второй строки надписи мы узнаем, что он был تَرْزِى – «*портной*» [4, с. 100] и звали его قنتمير – «*Кантемир*». Очевидно, что жертвователь гордился свой профессией и считал ее престижной, раз уж приказал упомянуть о ней. Полагаем, что он занимал влиятельное положение в цеху бахчисарайских портных. Заметим, что сам факт участия Кантемира свидетельствует об усилении влияния торгово-ремесленной верхушки в жизни средневекового крымско-татарского общества, что, безусловно, должно быть увязано с относительным процветанием экономики государства. Вернее всего, именно этими обстоятельствами и следует объяснять временное улучшение монетной стопы серебра крымского чекана при Гази Гирае II (1588–1596, 1596–1607).

Но вернемся к нашей надписи. Далее по тексту упоминается Татар[13], построивший богоугодное здание на средства Кантемира. О нем в надписи куда меньше сведений. Так как прославляющие его эпитеты в надписи отсутствуют, то он, очевидно, не принадлежал к элите. Можно даже предположить, что Татар был простым наемным работником, выполнившим поручение первого донатора. Ведь в тексте прямо сказано, что он строил на деньги Кантемира. Но в таком случае почему его упомянули в надписи? Заметим, что даже имена величайших архитекторов средневекового Востока не известны на закладных плитах их строений. Считаем, что поднятый нами вопрос достаточно важен и заслуживает тщательного рассмотрения.

К счастью, у нас достаточно информации для поиска ответа на него. Дело в том, что мы пока еще не истолковали весьма примечательную фразу عبد الطيف. Конечно, ее можно вовсе не переводить, посчитав одним из множества вновь выявленных средневековых татарских имен, образованных от мусульманских эпитетов. Или трактовать его как «*раб призрака*» или «*раб видения*»[14]. Также допустимо предполагать, что Татар был связанным какими-то обязательствами с общиной аравийского г. Таифа[15]. А если учесть то обстоятельство, что слово переводится и как «*часть, доля*» [5, p. 1905], то таинственного строителя можно вовсе посчитать если не рабом, то, в любом случае, зависимым человеком. Уж очень многозначно слово طيّف, и совершенно однозначно трактуем термин عبد. Однако мы все же попробуем установить смысл выражения عبد الطيف.

[12] Обоснование перевода фразы عبد الطيف будет приведено ниже.

[13] У нас нет никаких оснований трактовать слово ططار как указание на национальность строителя. Дело в том, что подобного рода обозначения не известны в мусульманской письменной традиции. Заметим, что однозвучные имена и фамилии известны у крымских татар.

[14] Т.е. читать его как طَيْف [5, p. 1905–1906].

[15] Арабографичное написание – الطائف.

Начнем с того, что наличие определенного артикля ال говорит о том, что заинтересовавшее нас слово представляет собой некоторое общеизвестное понятие, если и нуждавшееся в уточнении, то исключительно для конкретизации. И, действительно, в лексиконе образованного жителя средневекового Ближнего Востока в то время обязательно присутствовало слово طيّف – «*группа, сообщество, организация*», а именно так называли суфийские общины. А именно их члены и именовали себя «*рабами Ордена*»[16]. Полагаем, что упомянутый в надписи Татар был суфием.

Перейдем к последним словам текста. Речь идет о фразе روحلر يچون فاتحه. Перевести ее можно только как «*душам их – Фатиху*». Понятно, что речь идет о благопожеланиях, содержащихся в первой, «открывающей» суре Корана. Упоминания о ней традиционно размещали как в посвятительных надписях, так и в средневековых эпитафиях [7, с. 504–507, № 10–25]. В тексте указана и дата завершения строительства. Его завершили в 1109 г.х.

Но что же за сооружение воздвигли Кантемир и Татар? Полагаем, что это было важное здание, очевидно, культовое, располагавшееся если не на месте, то поблизости от современной джамии Молла-Мустафа. Иначе не было бы смысла размещать старую закладную плиту над входом во вновь возведенное здание. Вернее всего, донаторы построили мечеть.

Заметим, что нас не должно удивлять отсутствие в тексте надписи очевидного упоминания мечети. Дело в том, что подобного рода сведения отсутствуют на закладных плитах ряда джамий Востока. Известны они и в Крыму. К примеру, на закладной плите Биюк-Джами, размещенной ныне над входом в баню Сары-Гюзель, выбиты только имена донатора Сахиб Гирая I (1532–1551) и его предков [8, с. 472–480]. О назначении здания можно узнать только из текста.

Заключение. Разобрав надпись над входом в Молла-Мустафа, нам удалось установить предназначение и дату возведения здания, построенного Кантамиром и Татаром. Очевидно, что оно изначально было мечетью, посещаемой местными суфиями. Сам факт ее возведения донаторами, как было установлено, не относящимися к татарской знати, свидетельствует об усилении влияния исламизированного городского населения, выразителем интересов которого стало мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии. Заметим, что именно эту картину в Крыму наблюдал Эвлия Челеби [9, s. 51, 572, 605, 606, 607, 619–620, 623, 643–644, 647, 666, 676–677, 680–681, 687–688, 692–697]. Полагаем, что подобные новации стали возможны только в результате усиления османского влияния в регионе. Возможно, что именно с данным обстоятельством следует увязывать и одновременное проникновение в Северное Причерноморье крупной монеты турецкого чекана[17]. Однако поиск ответа на этот вопрос уж слишком сильно уводит нас от темы нашего исследования. Надеемся, что в ближайшее время нам удастся выявить эпиграфический материал, исследование которого позволит найти ответ на поставленный вопрос.

Литература

1. Паллас, П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–94 гг. / П.С. Паллас // Научное наследство. – 1999. – Т. 27. – 249 с.
2. Терещенко, А.В. Очерки Новороссийского края. IV. Некоторые местности Южного Крыма / А.В. Терещенко // ЖМНП. – 1854. – Ч. LXXXIV. Отд. II. – С. 85.
3. Freely, J. A History of Ottoman Architecture / J. Freely. – Boston: WIT Press. – 2011. – 464 p.
4. Баранов, Х.К. Большой арабско-русский словарь / Х.К. Баранов. – М.: Живой язык, 2006. – Т. I. – 456 с.
5. Lane, E.W. An Arabic-English Lexicon. In eight part / E.W. Lane. – Beirut: Librairie du Liban, 1968. – P. V. – 1758–2219 p.
6. Trimingham, J.S. The Sufi Orders in Islam / J.S. Trimingham. – Oxford: Clarendon Press, 1971. – 333 p.
7. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи / сост.: А. Борзенко, Ф.М. Домбровский, В.П. Кузьмин, А.Ф. Негри // ЗООИД. – 1848. – Т. II. Отд. II. – С. 489–528.
8. Чореф, М.М. Строительная надпись над входом в Сары-Гюзель / М.М. Чореф // Нові дослідження пам’яток козацької доби в Україні. – Київ, 2010. – Вип. 19. – С. 472–480.
9. Celebi, E. Seyahatnamesi / E. Celebi. – İstanbul: Devlet Matbaasi, 1928. – Cilt. VII. – 912 s.
10. Чореф, М.М. К вопросу об обращении иностранной монеты в Крыму в XVI–XIX вв. /

[16] Мы принимаем трактовку термина Ṭā’ifas, предложенную Д.С. Тримингэмом [6, p. 67–105].

[17] Нам удалось проследить это по кладам [10, с. 359–362].

М.М. Чореф // МАИАСК. 2011. – Вып. III. – С. 359–370.

Список использованных сокращений

ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ЗООИД Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.

КРУ БИКЗ Крымское республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».

МАИАСК Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь–Тюмень.

Рис. 1. **Мечеть Молла-Мустафа, современное состояние** (фотография Н.В. Днепровского).

Рис. 2. **Мечеть Исми-хан:** *1* – вид с юга (фотография Н.В. Днепровского); *2* – вид с запада.

Рис. 3. **Ложные южные порталы в синагогах Восточной Европы:** *1* – южный вход в Исми-хан; *2* – синагога на Подоле (Киев), вид с юга; *3* – малая караимская кенасса г. Евпатории, вид на אָרוֹן הקוֹדֶשׁ. В южной стене этого здания нет ложного входа; *4* – אָרוֹן הקוֹדֶשׁ синагоги на Подоле (Киев).

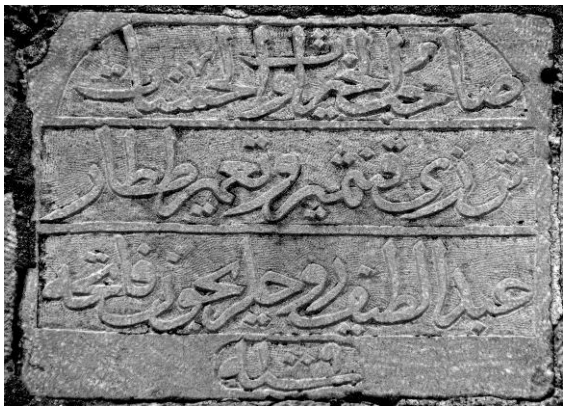

Рис. 4. **Закладная надпись из мечети Молла-Мустафа.**

Поступила в редакцию 06.07.2015 г.